

Tatiana Filat

"Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг.", А. А. Степанова, Днепропетровск 2013 : [recenzja]

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 313-315

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

А.А. Степанова, *Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг.*, Днепропетровск: Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля, 2013, 496 с.

Количество исследований по литературе 20-30-х гг. XX века, как в зарубежной критике, так и в отечественном литературоведении, пожалуй, превзошло все ожидания. За последнее десятилетие литература этого периода обрела статус едва ли не самой востребованной как у читателей, так и у критиков. Часто приходится сталкиваться с сетованиями на то, что в свое время в силу разных причин эта литература не имела должной оценки. Но при этом всегда закономерно возникает вопрос, а могла ли она ее иметь в свое время? Совершенно очевидно то, что для осмысления такого мощного литературного пласта необходима была временная дистанция, некая отдаленность как необходимое условие понимания, а главное – контекст, изменяющийся, пополняющийся, долго созревающий, с тем, чтобы выплеснуться в определенную

проблему. Во всем этом еще раз убедила монография А. Степановой *Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг.*, в которой заявлена проблема целостности и взаимообусловленности знакового для XX века труда немецкого философа и романистики литературы 1920-1930-х годов, а также жанров, примыкающих к ней: киносценариев, пьес.

Безусловно, монография актуальна по нескольким аспектам: во-первых, как представляющая собой одно из возможных решений востребованной во все времена проблемы взаимодействия философии и литературы; во-вторых, как предлагающая весьма интересный подход к давно назревшему и наболевшему вопросу о значимости работы Шпенглера и для литературы, и для науки о ней. Под таким углом зрения еще сравнительно недавно написать подобную работу не представлялось никакой возможности, и объяснить это можно было бы фразой-клише – «в силу известных причин», под которыми речь шла, прежде всего, об идеологических запретах. Но ведь есть и позиция С. Аверинцева, чья мысль всегда была

свободна, в том числе и по отношению к *Закату Европы* – несколько ироничная, полемичная, интересная именно как собственная позиция и поэтому по-своему привлекательная, предполагающая диалог на основе созревающих новых подходов к исследованию проблемы Шпенглера. Новое поколение исследователей, которое достойно впитало великие уроки науки предыдущей эпохи, сочетая их с решительностью, интеллектуальностью, филологической образованностью и мировоззренческой новизной, уже обладало потенциалом, позволяющим найти ответы на вопросы, давно витавшие в филологическом пространстве, а именно: о роли Шпенглера и его работы в развитии литературы XX века. К ним относится и Анна Степанова, представляющая и развивающая традиции днепропетровской филологической школы. За прошедшие десятилетия проблема Шпенглера в истолковании исследователем обрела новаторский смысл в многочисленных научных наработках, в выступлениях на различных форумах и, наконец, предстала в завершенном виде в рецензируемой монографии.

Объемный справочный аппарат монографии дает полное представление о том, что происходило с работой Шпенглера после ее выхода в свет в Европе, а затем в России, как осторожно было даже постсоветское литературоведение в своем апеллировании к *Закату Европы*. А. Степанова осмыслив этот почти вековой массив исследований, дифференцировала, проблематизировала его, выделяя приоритеты, среди которых и вопрос о взаимодействии литературы с трудом Шпенглера.

В работе Шпенглера А. Степанова выделяет сформированное философом понятие фаустовской культуры и дает всему обоснование, отталкиваясь от концептуальных моментов *Заката Европы*, приумножая их смысл обращением к первоисточникам формирования фаустовской культуры, или, как обозначила это исследовательница, – к эмбриологии фаустианства. Этот путь обозначен и детализирован ею четко и последовательно с осмыслением феномена фаустианства от эпохи Возрождения, т.е. от момента возникновения легенды о Фаусте и обживания его как литературного образа до романтизма в соотнесенности его ролевой позиции и утверждения уже в качестве литературного архетипа, продуцировавшего следующий шаг в литературе XX века – метаморфоз, обусловивших формирование героя фаустовского типа. Такой подход обусловил изложение не только собственно шпенглеровских воззрений на сформированное им же понятие фаустовской культуры, но и то, как оно обогатилось в процессе осмысления *Заката Европы* на протяжении всего XX века – через острейшие полемики, дискуссии, вплоть до полнейшего отрицания работы. Тем не менее, исследовательница права, когда пишет об очаровании и работы Шпенглера в целом, и, в особенности, маркера ее заглавия – заката, «закатности», к которому многие исследователи «притрунулись» в своих работах, но лишь вскользь, по касательной, без углубленного анализа.

Смысл и ценность работы А. Степановой в том, что она не только не ушла от этих вопросов, но впервые дала им литературоведчески значимое истолкование, особенно в той части, которая касается интерпретации заглавия работы Шпенглера и акцентированного им смысла «закатности», прорисовывая кризисные явления XX века от «конца Европы» до «конца истории» – от Бердяева до Фукуямы, при этом отмечая, что ни одно из этих названий не имело такой популярности, как «закатность» Шпенглера. В монографии, наверное, впервые осуществлена и реализована мысль о смысле «закатности», включающем в себя ее природ-

ные слагаемые, переходящие в явления искусства и литературы и только на этом фоне обретающие всю полноту философско-эстетического смысла. Осмысливая под этим углом зрения тщательно отобранные произведения английской, американской, немецкой, русской и украинской литератур, исследовательница убедительна в том, что субстрат фаустовской культуры обрел в них ярко выраженное художественное преломление, представленное в образах человека – артиста, завоевателя-иммoralиста, слуги, антиномии в его внутренней природе аполлонического и дионисийского, города – солнца, пещеры, лабиринта, праздника, сада, а также в жанре антиутопии и т.д. Безусловно, все это потребовало сочетания самых различных подходов к исследованию, но в работе импонирует не столько их богатый выбор, сколько специфика сочетаний, та виртуозность автора в переходах от одной методики к другой, как того требует текст.

На этом фоне весьма существенным представляется то, что вынесено в заглавие монографии – *Поэтология фаустовской культуры...* Привычным стало то, что и в критике, и в литературоведении соседствуют два понятия – «поэтика» и «поэтология», хотя второе – реже и с оговорками. Введенное в активный литературоведческий оборот немецким исследователем Феликсом Ингольдом, а затем нашедшее преломление в анализе поэтического текста в известной ныне работе М. Тростникова, у А. Степановой понятие «поэтология» получило убедительную трактовку в применении к анализу прозы, в котором видится акцент на логос, т.е. художественное слово, его своеобразные реакции и столкновения с явлениями фаустовской культуры, ее закатной вспышки в 1920-1930-е гг. Насколько уникальной была эта ситуация в истории литературы исследовательница продемонстрировала в анализе тех тонкостей фаустовской культуры, которые у Шпенглера были только обозначены, но их смысловая глубина обрела свое воплощение в литературных текстах, идеях, сюжетах, мотивах, в психологизме образов – в тех нюансах, которые поддаются только художественному осмыслению на философском фоне – так это у Анны Степановой, по ее методологии – интересной и перспективной.

Подчеркнем, если кто-либо надеется найти в этой работе очередную трактовку образа Фауста, о котором написано уже достаточно много, интересно, захватывающе, то должен настроить себя на то, что речь идет все-таки о совершенно ином явлении – о фаустовской культуре. Преломление культурного явления в литературу – редчайший феномен, который, как оказалось, сам себя в себе продемонстрировал. Казалось бы, все очень просто, но это только кажущаяся простота. Работа А. Степановой с ее тончайшим, изысканным анализом художественных произведений, собранных под куполом такой мощной проблемы, еще раз подтвердила вечную мысль – «о, сколько нам открытий...» может подарить литературная эпоха 1920-1930-х, если к ней подойти творчески, как это сделала автор, написав талантливое исследование, результатом которого является то, что философское понятие «фаустовская культура» прочно и емко обжито как эстетическое, художественное и литературоведческое.

Tatiana Filat